

ЖЕНЩИНЫ Малой По крошки любили посуда- чини у старого тополя, стоявшего за деревней. Во время войны девчата и женщины да несколько подростков плясали и танцевали возле него под баталайку. А теперь здесь ожидали стадо коров, которое должен принять Клим Шлеков, нанятый самими колхозниками.

Стоял теплый, сухой вечер, пропахший инойной пылью, поспевающими аэрами, запахом дурманящего до ослепления разнотравья и горьковатым полынком. Женщины собрались у

Петр ШМАКОВ

тора, от спешившего и обрадованного Мелькова полям в деревню.

Солнце еще не село, а висело над горизонтом большое и красное как уличный фонарь в тумале. Зной не спал. Ветра не было и Гринька напротив, снял рубашку и шел по поле голый. Тело его бронзовое, мускулы упругие, перевитые как морские канаты. А когда Гринька в рубашке, он делается совсем другим, по-мальчишески худым, плоским. Обнаженным Гринька

У СТАРОГО ТОПОЛЯ

РАССКАЗ

тополя. В душный вечер как-то они лениво перекидывались нустящими слівечками и больше смотрели на ярко-охро- вый закат, над которым висели бокастые облака, подпаленные солнцу.

— А Гринька, чекундел ли че? — двонко и даке с какой-то радостью выдохнула Зинка Ваннина, птичице.

— Че умудрил? — оквиалась, спросила Семенова, няня из детсада.

— От трактора к хвостам поровным подался... — ответила Зинаида. И то бы силки, так нет, сам, добровольно...

И разговор принял конкретность. Одни защищали Гриньку и считали его героем. Ведь надон в колхозе совсем куриные. Гринька — мужик трудолюбивый и поправит дела фермские. Другие же считали Гриньку и впрямь чекундытым, а третьи стояли на том, что Колпаков себе на уме и не напрасно подался в паству.

— Тут Ленка его чему-то надумила... — Сделали женщины заключение.

И никто из них не был близок к истине.

ГРИНЬКА Колпаков уже немолодой. Ему тридцать два года. Работал последние семь лет трактористом и был в немалом почете. Сылал он средним одностельным человеком безответным, работающим. Сам невысок, сух в кости, плоскогрудый с виду. Лицо узкое, крупные надбровья с выгоревшими начисто бровями и глаза сорные, продолговатые. Смотрел он всегда собеседнику прямо

в лицо, почти не зигая. И другому казалось, что знает Гринька все его грехи, да вот де- ляет снисхождение, никому о них не рассказывает, а держит при себе в великом секрете.

...Гринька Колпаков заглушил трактор и сказал своему напарнику:

— Ты, Минь, знаешь, того... и без меня теперь можешь. Учеба завершилась.

— Как завершилась? — не понял Мишка Мельков, пуче- глаый, медлительный парень. Он никогда не ловил сходу мысли.

— Как, как. Как накакашь... — озлился вдруг Гринька.

— Ну и дуб ты... Права у тебя есть? Школу завершил? А практику у меня закончил? Вот и садись самостоятельно. Усек?

— Усек. — хмуро ответил Мишка, но в душе поразовался наступившей самостоятельности. И показавать это, конечно, не желал. Но Гриньку кто проведет? Он хлопнул теперь уже бывшего напарника и стажера по плечу и засмеялся:

— Самостоятельно рещая. За то литран с тебя? Усек? То-то. Будь здоров.

И Гринька зашагал от трак-

Газета выходит

три раза в неделю:

вторник, четверг,

субботу.

Объем газеты 1 п. л.

Зам. редактора
А. В. СЕМЕНОВ.

// Заветы Ленина,
1975, 16 августа, с. 4.

ирился сам себе. Сейчас ша- гает он степно и улыбається, мысленно представляя лицо председателя, когда он ему за- явит о своем решении.

А еще Гринька думал о своей потаенной мечте. О мечте невысказанной, самому Гриньке непонятной и неосоз- нанной. Под ногами у Гриньки никнут мятлики и осаянницы, полевница и бедревец, ежа и борщевик. Пахнет от разнотравья густо, медово. Гринька думает легко, отрывочно, но все о хорошем.

Служил он в армии. Танкист был. Однажды после учения командир и говорит ему:

— Ефрейтор Колпаков, хоро- шо водите машину. Объявляю благодарность.

Естественно, Гринька честь по чести, как полагается по уставу, отвечает, а сам ду- мает, да я, товарищ командир, еще и не то смогу. Мне бы за- хотеть. А хотенье не всегда бывает. Но уж если...

В колхозе пять грамот полу- чил. Медаль трудовую зарабо- тал. А ее за фунт узюма не дают. Я уж не считаю там ар- мейские знаки... Да и вообще...

И Гринька, вдруг, ловит се- бя на мысли, что его совсем не беспокоит, как отнесется к его батеке жема. Да и сам он вынес свое решение сегодня, в пол- дудень, когда увидел, как пере- гоняли стадо коров через уз- кое поле по стравленной лю- церне на кукурузный участок.

Шагать по траве, распуги- вать крохотных серых кузнечи- ков, смотреть на голубое небо

— хорошо. Вдали чернеет пят- ном березовая роща. Она мону- чая, слитная и будто прилеп- ленная к зеленому полю. Гринь- ка вспоминает, что в городе клены и тополя сплошь под- стрижены, что тебе пацаны- карапузы. И Гринька довольно смеется. Здорово он придумал- тополя похожим на пацанов- карапузов. А у них: если степь, то степь до горизонта, а если лес, то до самых облаков ды- бится.

И радостно Гриньке от все- го: ну, что он шагает по этой красивой и большой земле, что он на этой самой земле со- сем не чужой, а свой, родной. Родился здесь, и живет здесь... Хорошо!

ГРИНЬКА вошел в дерев- ню, когда солнце таяло и будто нехотя завалилось за серый горизонт и полусиние тени потянулись по земле. Он даже заторопился, когда заме- тил в высокой просини пераую, дымчатую звезду. Она как-то нахально смотрела сверху на Гриньку, подмаргивала ему и дразнила. А вдруг преде- дателя нет в конторе? Завтра будет уже поздно. Завтра он не рещится. Нужно сегодня. Обя- зательно сегодня...

(Продолжение следует).